

Н. ШАМСУТДИНОВ

Осязание

Я осязаю не только
оранжевый взлет
и скольжение листа
По траектории осени
И под колесами пыли
и содроганье моста,
И немолчный гул
плодородья, возвращенный
колосьями...
Я осязаю не только
толчки
в людной толпе—
Импульсы бега, страстей,
суеты, нетерпенья,
Взгляд восхищения,
открытый навстречу
любимой —
навстречу тебе,
Где-то на грани
обожествленья.
Но, как Гомер,
собеседник богов,
Я осязаю щекою слезу
Одиссея.
Как он молчал
переполнен юдолюю
своей,
У побледневших родных
берегов!
Время орет опаленным,
взыскующим ртом,
Начинено ликованием
борьбы,
шквалами противоречий.
Я выгибаюсь навстречу
мостом
Радости, злобе ли
противоречья—
но только навстречу!
Я осязаю биение крови
моей
Гневным биением ямба
в натруженных венах.

Я открываю себя толчее
площадей
Вечной планеты моей
в телескопах, радарях,
антеннах.
Это —
ливанскую рань,
а не Тьмутаракань,
Я осязаю сплетением
обугленных нервов.
Это —
мою оскудевшую в горе
гортань
Перехватило
молчанье линчующих
негров.
Я —
истлевая, в суглинок
уткнулся лицом,
Намертво к пыльной
планете пришитый
прицельным свинцом.
На стадионе в
Сантьяго
я
бьюсь горевым
пианистом
Под сапогами,
дрожьими певчие
кисти.
Это —
тяжелое право ни
зрения, ни слуха—
Импульсы века
каждою порой вбирать
И растворяться в эпохе
и—метастазами духа—
Рос: пепелищ осязая...
Что нам Земля в
термоядерном
черном венце?
Что мне в массивном
моем,
скудном имени?
Каждая черточка в
вечном земном,
воспаленном лице—
«Непримиримее будь, —
меня просит,—
будь непримиримее!»

И. СЕВЕРСКИЙ

Душа мятежная моя
Металась, словно зверь
в неволе,
Душе хотелось в чисто
поле,
Где б на сто верст
метель мела,
Переметая все пути,
Круша надежды на
спасенье,
На свет, тепло, на
возвращенье
В мир бестолковой
суеты...
Чтобы, по-волчьи стиснув
пасть,
След в след за вожаком
ступая,
Считаться не последним
в стае,
Суметь напасть и не

пропасть.
Чтобы судьбы кровавый
снег
В своем безумном
совершенстве
Напоминал бы о
блаженстве
Былых отчаянных утех
Но ты неслышно
подошла,
Рукою лба легко
коснулась,
И все во мне
перевернулось,
Пришел покой, печаль
ушла.
И стал прозрачным
горизонт
И обитаемым стал
остров,
И на заброшенном
погосте
Зазеленел угрюмый
склон.

АВГУСТ -83

ВЕСЬ день мы пролазили по кустам, оврагам и не заметили, как в тайгу вошла ночь. Темь облепила деревья, пни, валежник, превратила их в неведомых и оттого еще более страшных чудовищ.

Разложили костер. Весело заплясали языки пламени по сухим веткам. Отодвинулась и спряталась за наши спины ночная темь, чутко насторожилась лес, дремуче покачивая вершинами деревьев. А у костра было тепло и по-домашнему уютно. Я время от времени подбрасывал в костер сухой валежник и прислушивался к разговору товарищей.

Самый старший из них, Макар Иванович Заливайко (это он вытащил меня на охоту), в общем-то солидный и серьезный человек, рассказывал:

— Это один раз вот что было. Прибегают соседские мальчишки ко мне во двор. А я как раз дрова взял, колотю, к зиме, значит, готовлюсь. Ну вот, прибегают и сразу: «Дядя Макар! Дядя Макар! Там, в ложке, цело стадо медведей пасется». «Врет!» — говорю. «Эй-бо!» — они, значит, мне отвечают. Ну, раз так, швыряю я топор, ружье — на плечо, кума свистнул (он в соседях у меня живет) и айда в лес. Прибегаем это мы, глядь, а их — видимо-невидимо! Штук этак...

В этот самый момент один из охотников (кажется, Семенным они его называли) кашлянул деликатно.

— Штуки два было! — уверенно продолжал Макар Иванович. — Ну вот, мы с кумом и давай этих медведей друг на дружку загонять. Кум-то мой и ростом пониже меня, и телом похилее, так они его ничего. А меня заприметили. Я, правда, не растерялся, на сосенку-то прыг. Хотел было повыше забраться, да сучок сухой как назло под ногу попал... Так они меня все-го, как есть! Изодрали так, что и мама родная не сшила бы. Вот только фуфайка и осталась, — закончил свой удивительный рассказ Макар Иванович.

Я не знал, верить Макару Ивановичу или нет. Но потому как я на охоте человек новый, а Заливайко знал человеком обстоятельным и немногословным в повседневной хозяйской жизни, то решил на всякий случай поверить. К тому же, и из охотников никто не думал уличить рассказчика во лжи. Наоборот, Семенныч хмыкнул и сказал:

— Чего на охоте не бывает. Но этот случай еще не тот случай, который со мною однажды случился.

Лет, поди, тридцать уже, как я впервой ружье в руки взял и в лес пошел. С тех пор так и не расстаюсь с ним. Обворожила меня тайга, к себе привязала. Ну вот, говорю, за тридцать лет такого не было, как прошлой осенью случилось.

А ДЕЛО, значит, так все было. Жена меня на охоту не отпускала. Ну, поругался я с ней малость, а на охоту все-таки ушел. Иду лесом, иду. Душой отдыхаю. Вдруг заяц! Заяц — оно, конечно, не медведь, — поглядел Семенныч на Макара Ивановича, — но зверь тоже прыткий и хитрый. Его тоже надо уметь убить... Ну вот, я двустволку с плеча. Прицелился и из левой дулины: рях!.. Что за черт! Осенка. Вот те на, сам себе думаю, никогда такого не было и друг. С чего бы это?

глубокой ночью, на берегу ручья-шептун сидеть у костра и рассказывать самые невероятные истории. И чем смешнее, чем придуманнее рассказ, тем лучше удалась охота. Даже если никто не вскинет ружье и не бросит в рюкзак ни рубчика, ни зайца.

НО СМЕЯЛСЯ я один. Макар Иванович и Семенныч глоточками отхлебывали из алюминиевых кружек горячий чай и молчали. Молчал и третий из охотников. Он среди нас был, пожалуй, самым молодым, и охотник, видать, как и я — ни-

Ф. КУЛАКОВ

ОХОТНИЧЬИ БАЙКИ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— вслух с собой рассуждаю.

А была у меня дворняжка. Трезоркой ее звали. Ну вот, она, эта самая Трезорка, за мной на охоту увязалась. Как это я вслух сам себя спросил, Трезорка и отвечает...

— Как отвечает? — удивился я. — Собаки же...

— А что собаки? — перебил Макар Иванович. — Собаки, они, брат ты мой, знаешь, какими дошлыми стали.

— А ты, парень, слушай и на ус мотай! — прикрикнул на меня ободренный поддержкой Семенныч и продолжал:

— Так вот, говорю, Трезорка-то мне и отвечает: «Ты патр-роны забыл». Посмотрел — и точно! В ссоре-то с женой и не собрался как следует. Ладно, говорю, ты, Трезорка, беги за патронами, а я за зайцем побегу. Ну вот, моя Трезорка за патронами кинулась, а я за зайцем вдогон. А он, шельмец, к тому времени успел уже-таки далеко конько ускакать. Но и я на ногу быстрый. Нагнал его аж на самом берегу Оби. Стоит, беденький, труситесь весь, передними лапками пот утирает. Тут я в него прицеливаюсь и только хотел из правой дулины ряхнуть, а мой заяц-то и говорит человеческим голосом. Этак тоненько, тоненько: «Семенныч, а ты член общества охотников?». Я поначалу, конечно, растерялся, а потом говорю: «Член. Даже билет при себе имею». Взял заяц билет, лапку поклонил, полистал. «Э-э, — говорит, — да у тебя взносы не уплачены». Углядел-таки косой! Но делать нечего. Заяц впласть через Обь подался, а я — до дому. Вот так впервые за тридцать лет я домой без добычи пришел.

Макар Иванович посочувствовал Семеннычу, достал свой охотничий билет, полистал внимательно и удовлетворенно сунул обратно в карман.

А я смеялся. Только теперь до меня дошло. И смысл рассказов. И смысл костра. И смысл всей охоты. Он в том и есть, чтобы вот так — в тайге,

кудышный. Я, городской, благодаря заботам Заливайко, выгоднее отличался от него снаряжением. Как-никак, а в энцефалитике, в ватной куртке защитного цвета, в болотниках к тому же. А патронташ какой у меня!

— Ну, а ты, Иван, чего молчишь? — нарушил тишину Макар Иванович.

— Да мне и рассказывать-то, собственно, нечего, — заотнекивался Иван. — Плохой из меня охотник. Разве вот...
В прошлое воскресенье я на охоту собирался, а жена мне в рюкзак провязию разную наложла. И поллитровку сунула, чтобы я согрелся, если замерзну. Бутылку-то сунула, а стакан положить забыла. Под вечер я проголодался, да и замерз маленько. Полез в рюкзак, а стакана там нет. Так и пришлось бутылку домой принести.

Мощный раскатистый хохот вспугнул прятавшееся за нашими спинами лесное эхо. Улегло оно по верхушкам деревьев и где-то в глубине темноты заливалось раскатисто и громко.

— Ну, врать ты, парень! — вытирая слезы, наконец смог выдохнуть Макар Иванович. А Семенныч ваялся на траве, показывал на Ивана пальцем, и новый приступ безудержного хохота душил его.

Иван, красный, сердитый, старался убедить их, что все это правда, что он ничего не придумал. Но ни Макар Иванович, ни Семенныч и слушать его не хотели. Они рыдали от смеха, вытирали слезы и то и дело приговаривали: «Ну врать! Ну артист!».

И еще долго в лесу блуждало хохочущее эхо, перелетая от дерева к дереву, из долины в долину. А когда, насмеявшись вволю, вернулось к синим углям костра, то все охотники уже крепко спали. Только Семенныч нет-нет да и дрыгнет ногой и хихикнет. А Макар Иванович пробасит, неизвестно к кому обращаясь: «И где тебе врать научили!».

БАБЬЕ ЛЕТО

Фотоэтиюд К. Иванова.